

G. R. Сайфуллина

**Шариатский судья о музыкальной культуре
российских мусульман в начале XX века.
Страницы неизвестного эссе Хасана-Гата Габаша**

Аннотация

Внимание читателей представлен фрагмент уникальной арабографичной рукописи выдающегося татарского мыслителя начала XX века Хасана-Гата Габаша «Янэ „Өмид“ пароходы» («Снова пароход „Надежда“») в переводе и с комментариями. Тема музыки и отношения к музыке в исламском обществе, всегда волновавшая богослова, раскрывается здесь в новом аспекте: через феномен *хусне савт* («прекрасный звук/голос») — этико-эстетическую категорию, отражающую специфику понимания музыкального в исламской культуре. Важность эссе определяется также понятийным аппаратом, используемым Габаша и свидетельствующим об особенностях татарского языка о музыке в этот период.

Ключевые слова: музыка, ислам, Габаша, музыкальная терминология, Кильдебак.

G. R. Sayfullina

**Sharia judge on the musical culture of Russian Muslims
in the early 20th century.
Pages of an unknown essay by Hasan-Gata Ghabashi**

Summary

Readers are presented a fragment of a unique manuscript in Arabic alphabet *Yanga 'Omid' parahody* (Again the 'Hope' ship) by the outstanding Tatar thinker of the early 20th century Hasan-Gata Ghabashi in translation and with commentary. The theme of music and of the attitudes towards music in Islamic society, which has always worried the theologian, is revealed here in a new aspect: through the phenomenon of *husne sawt* (beautiful sound/voice) — an ethical and aesthetic category that reflects the specificity of music understanding in Islamic culture. The importance of the essay is also determined by the conceptual apparatus used by Ghabashi which shows the peculiarities of the Tatar language about music in this period.

Keywords: music, Islam, musical terminology, Ghabashi and Kildebaki.

DOI: 10.48201/22263330_2023_41_56

Статья поступила: 05.12.2022

УДК 781.7

ББК 85.3

Предлагаемая публикация — своего рода продолжение статьи [См.: 4], в которой рассматривались взгляды выдающегося татарского мыслителя Хасана-Гата Габаша (1863–1936) на проблему дозволенности музыки в исламе. Эта тема занимала Габаша — энциклопедически образованного учёного-богослова, историка, педагога, общественного деятеля (и, безусловно, одарённого музыканта¹) — на протяжении многих лет, что можно видеть и по другим его работам: «Музыка и стихи» (1915), «Взгляды исламских ученых и законовевдов на стихи и пение» (1915?)². К их числу относится и сохранившееся в рукописи эссе «Янә „Өмид“ пароходы» («Снова пароход „Надежда“») [11], до сих пор лишь упоминавшееся в перечислении трудов Габаша и не привлекавшее внимание специалистов.

Общее содержание эссе напрямую не связано с музыкой. Прежде всего это отражение впечатлений от глубоко взволновавшего Хасана-Гата события: организованной городскими попечителями однодневной пароходной прогулки для бедных мусульман по рекам Агидель и Уфа. Эмоциональное описание происходящего, начиная с увиденного Габаша объявления о билетах на пароход (набранного, как пишет автор в духе времени, «по-русски и по-мусульмански» [11. С. 1]), пятничного чтения Корана в Соборной мечети, парков Уфы и кончая публичной, пестревшей смешением национальных платьев и европейских костюмов, создаёт живописную картину жизни уфимских мусульман начала XX века. Однако, как это характерно для высказываний Габаша, всё происходящее — лишь толчок для размышлений на другую, главную для него тему, в данном случае — состояния музыкальной практики, оказавшейся в полной зависимости от одностороннего отношения к музыке со стороны ортодоксальных религиозных авторитетов. Значительная часть эссе посвящена анализу сложившейся в культуре волго-уральских мусульман ситуации и

причин, способствовавших её формированию. Для историков музыки — это ещё один ценный документ, отражающий «исламский контекст» восприятия и понимания музыкального творчества в российском тюрко-мусульманском обществе начала XX века.

Поставленная в эссе проблема отчасти уже обсуждалась в упоминавшихся выше статьях Х.-Г. Габаша — к сегодняшнему дню опубликованных, но написанных на несколько лет позже. Представляемая здесь работа, появившаяся приблизительно в 1908 году, отличается от них: в ней, возможно, впервые в татарской мысли о музыке, даются формулировки основных для автора понятий стихов, мелодии, инструментов и музыкальной науки, в центре размышлений автора — концепция музыки, опирающаяся на исламское понимание звуковой красоты.

Понятие «музыка», уже используемое Габаша в сборнике 1915 года [См.: 2] в современном понимании, в эссе отсутствует: главная для автора категория — арабоязычное словосочетание *хәснә савт* /*хуснә савт/саут* (букв. «прекрасный звук/голос»). В одних случаях это — общее определение некоего критерия звуковой красоты, напрямую связанного с эстетикой исламского учения [См.: 6], с другой — «знак», объединяющий разные явления. *Хуснә савт* может быть обозначением «прекраснозвучия» как феномена, присущего природе (как пение птиц), определением музыки в целом (как при описании её способностей влиять на человека и живой мир — в традициях средневековых мусульманских мыслителей⁴), но также может относиться к мелодиям, пению, вокальной музыке⁵.

Хуснә савт — одна из целого ряда используемых Габаша категорий, общих для всего исламского мира (*нагмә* — мелодия, *исти-ма* — слушание, *гина* — пение, музыка и др.) и естественных для языка других дореволюционных татарских авторов. Появление в этом кругу понятия *музыка* и его интерпретация только как инструментальной музыки или музыкальных инструментов (часто осу-

ждаемых) — ещё один «штрих», характеризующий его понимание в культурах многих мусульманских народов⁶.

Изучение эссе Хасана-Гата Габаша в ряду текстов других его современников (Р. Фахретдина, Г. Баруди, Х. Кильдебаки) на тему музыки⁷ приводит к неожиданному открытию: при общности позиций и многих переключках⁸ со всеми авторами здесь обнаруживается особая связь с книгой Хади Кильдебаки «Музыка и ислам» (1909), занимающей особое место в литературе по исламской полемике о дозволенности музыки⁹. Многие элементы текста (от логики изложения и доказательств до отдельных формулировок и понятий) свидетельствуют об абсолютном совпадении взглядов богослова и его младшего современника¹⁰. И эссе, и книга были созданы, когда оба автора (и Габаша — шариатский судья (*кади*) при Духовном управлении мусульман, и Кильдебаки — учитель медресе (*мударрис*)) жили в Уфе и, очевидно, часто общались. В рукописи мы видим своего рода «конспект» идей Габаша, позже развитых Кильдебаки, дополненных им новой информацией и на некоторых страницах обретших звучание памфлета.

Перевод текста эссе был сопряжён с рядом трудностей, определяемых не только вольным арабографичным почерком автора, но и сложностью языка, изобилующего арабскими и персидскими словосочетаниями. Словно предвидя это, Габаша «помогает» читателю, давая в скобках уточнения на татарском языке и часто используя при этом знак равенства (как например: *хөсне савт* = *күркәм тавыш* (*хусне савт* — красивый/прелестный голос))¹¹. При переводе казалось важным сохранять и эти уточнения, и сами определения Габаша как знак его стиля и как отражение татарского языка о музыке в начале XX века.

Изменения, внесённые в текст перевода, коснулись лишь ряда деталей: были опущены обязательные в исламских текстах дополнения к именам Пророка Мухаммада и его сподвижников; выделены курсивом и поставлены в косые скобки авторские выражения или их пе-

ревод на русский язык. В квадратных скобках даются смысловые дополнения, отсутствующие в оригинале. Кавычки везде авторские.

Хочется выразить искреннюю благодарность всем, кто помог в работе над эссе Габаша: Р. Р. Салихову (ныне директору Института истории им. Ш. Марджани), предоставившему возможность ознакомиться с рукописью, Охтаю Ильгами и А. Б. Джумаеву, уточнившим перевод персидско-арабской цитаты.

ХАСАН-ГАТА ГАБАШИ
«СНОВА ПАРХОД „НАДЕЖДА“»
Фрагмент. Перевод Г. Р. Сайфуллиной

...То, что [сейчас] в тишине, на открытом воздухе не звучат наши прекрасные, пленительные национальные мелодии, должно бы восприниматься народом как большое упущение. Несчастные люди! Сколько бы ни было у нас замечательных поэтов, певцов с красивыми голосами, каким бы мастерством не отличались музыканты-инструменталисты */мусикачылар/*, как бы ни были сильны природные способности — в чём наш народ никакому другому не уступит! — все эти традиции (стихи, вокальная и инструментальная музыка) у нас не развивались. <...> Вне всякой логики, вне порядка, они продолжали существовать сами по себе и не поднялись до уровня, базирующегося на теории и нотной системе.

Будучи в таком положении, вокальная, инструментальная музыка и стихи были отнесены к осуждаемым явлениям и, лишённые возможности развиваться цивилизованно в национальной среде, нашли пристанище в публичных домах и питейных заведениях. В культурном обществе больше не исполняются мелодии и стихи, разве что книги «Йусуф» и «Бакырган», распеваемые девочками на уроках, поэтические сборники и книги «Мухаммадия» и «Ахмадия» на вечерах у *абыстай*¹². Как явление культуры (не считающееся грехом) музыка совсем перестала существовать.

Поскольку оказалась затронута эта тема, хочу здесь дать несколько пояснений — что

пришло на память — относительно стихов /шигырь/, мелодий /көй/ и инструментальной музыки /музыка/¹³. Словом «шигырь» называют метризованно /улчәп вәзенләп/ произносимые слова. То же относится и к распеваемым стихам. Если слова в стихах хорошие, то и стихи хороши. Если же слова дурные, плохие, то и стихотворение будет считаться плохим¹⁴. Об этом среди учёных¹⁵ долго и не говорят.

Что касается мелодий /көй/, то так называют сочетание согласованных между собой, приятных для слуха звуков, выходящих из человеческой гортани. Музыка — это такие же звуки, но производимые не гортанью, а самыми разными предметами — такими как камыш, дерево, струна, камень, рог, стекло и др.

Вокальная музыка¹⁶ и музыкально-инструментальная практика являются предметом особой большой музыкальной науки /гыйлем музикый/, считающейся частью математических наук. С древних времён множество учёных разных народов и мусульман занималось этой наукой. Многие её правила и законы были систематизированы и упорядочены. (Посмотрите «Кэшф эз-зунун»¹⁷).

Некоторые птицы также издают прекрасные звуки, однако их не называют ни «көй», ни «музыка». При этом, однако, все они подходят под определение прекрасного звука/голоса /хәсне савт = куркәм тавыш/.

В людях склонность к слушанию музыки /хәсне савт/ проявляется открыто. Её польза [для человека] в следующем: это пища для души, то, что воспитывает дух, очищает бегущую в венах кровь, успокаивает нервы. Даёт свободу мысли, исправляет характеры, обостряет память¹⁸. Всё это — безусловная (конечно, для учёных-философов) истина, подтверждённая опытом тысячелетий. Как говорят суфии, ангелы воспитывают души, играя мелодии на своих трубах /сур/. Именно потому младенцы успокаиваются при напевном убаюкивании: кипение крови стихает, напряжённые нервы расслабляются, и они перестают плакать.

Музыка /хәсне савт/ будит человеческую мысль, приводит её в движение, освежает в па-

мяти прошлое, настраивает на будущее. Вызывает слёзы у тоскующих, горюющих людей. А слёзы — это великая милость Аллаха людям: ведь плача, те, у которых от переживаний горит сердце, [благодаря этому] находят успокоение.

Страдающих бессонницей погружает в сладкий сон, успокаивает нервы. Музыка очищает душу, т. е. исправляет характер. У высоко нравственных людей пробуждает национальные и религиозные чувства и подчиняет им. Укрощает агрессивность. Да и не только у людей! Даже на животных прекрасные звуки действуют таким же образом: заупрямившиеся верблюды, услышав музыку, начинают идти; таких сильных зверей, как слоны, звуками музыки /уен тавышы/ умирят, и даже лев забывает о своей хищной природе: при звуках красивого голоса он не трогает человека, на которого был готов напасть. Всё это изучалось на основе опыта, накапливаемого специалистами.

По этим причинам музыка /хәсне савт/ не может быть признана запретной /харам/ законами какого бы то ни было пророка.

В эпоху благоденствия /‘аср ас-са‘ада¹⁹/ об этом и слова не возникало. Однако когда арабы стали наведывать аджамов²⁰, то, окунувшись в их расточительную жизнь и подпав под её влияние, сделали хәсне савт (= көй илә музыка) спутником развлечений. Вот тогда исламские учёные и начали говорить об этом. Присущие людям недостатки были перенесены [богословами] на саму музыку. Обвинили её в том, что она будит животную природу человека и ведёт его к беспутству. На эту тему даже нашли один хадис, в котором в рассказе об древнеиранских царях якобы о музыкальных инструментах говорится. Этим инструментам дали название «инструментов развлечений» /алят ляһу/лахв²¹/ и «под прикрытием» этого хадиса назвали музыке /хәсне савт/ грехом.

Однако множество исламских учёных, особенно философов, богословов и суфиев, не разделяло эту позицию. Сколько бы аятов и хадисов не давало кому-то оснований для сомнений, идея [греховности музыки] доказательств нет, говорили они. Так, согласно «Сахиру» Бухари²²,

наш пророк не запрещал, когда перед ним пели и играли на музыкальных инструментах /*музыка уйнау*/. Говорят, когда Абу Бакр²³ пытался запретить, он [тут же] остановил его.

Слушание прекрасных звуков /*хусне савт*/, производимых птицами, никто не называет запретными /*харам*/. Так пусть будут запретны звуки, производимые железом или камышом?!²⁴

Музыка /*хусне савт*/ возбуждает животную силу только у тех, в ком она доминирует. А в тех, кто силен духом, она <...> только увеличивает духовное начало. Согласно айату [44 из 17 суры]²⁵, и музыкальные инструменты славят Аллаха. Об этом же и в персидском бейте говорится: «Ты не ведаешь, о чём най и уд говорят; ты — всё для меня, о Господи, Возлюбленный». Не относится ли это и к кураю и скрипке?²⁶

Вставка на полях

Люди ведут себя безнравственно, но в этом вины музыки нет, она — в самих людях. Мясо, хлеб, вода, присутствующие на развратных *меджлисах*, дают силу и нечестивцам, но по этой причине мы разве называем их виновными?

Те, кто прежде бывал в благородной Бухаре²⁷, видели, как даже там широко распространены стихи, пение и музыкальные инструменты /*музыка*/ среди мусульман. А посещавшие мечеть наблюдали, как на собраниях суфиев зикр начинался с распева и с участием инструментов.

Однако несколько учёных последнего времени <...> остались при мнении, что музыка /*хусне савт = кәй вә мустика*/ — грех. Так и у нас вплоть до сегодняшнего дня продолжает жить мысль о греховности музыки.

Мы не следовали принципам лидера нашего *мазхаба* Имама Агзама²⁸ (действовать в мире максимально свободно; считать разрешённым то, запретность чего не доказана). Не придавали значения психологии людей (их моральному состоянию и природе их потребностей). Мы безжалостно прогнали от себя прекрасное пение и инструментальную музыку /*хусне савт кәй кәйләү илә мустиканы*/. Отдали их на откуп

порочным людям в публичные дома и *меджлисы* в питейных заведениях. Однако даже легко давая *фетвы*²⁹ о запретности и прогоняя из своей среды то, что нам не нравится или кажется вредным, мы не можем обмануть саму природу человека. Нам не удалось изжить и уничтожить [своими] *фетвами* то, что присуще природе. Наши соотечественники не смогли отказаться от своей тяги к музыке. Но мы, не видя музыку разрешённой и не давая ей свободу ни в своей среде, ни у себя дома, не предоставляем возможности слушать её в обществе на культурных собраниях /*әдәби мәжлес*/. Что же им, беднякам, остаётся делать? Конечно, где-то можно услышать музыку; туда и обречены идти те, кто не может побороть свою природу. Стихи, пение с инструментами /*шигырь, кәй илә мустика*/, которые гасят страсти, утешают душу, которые могли возвышаться среди [прочих] дозволенных нам радостей жизни, <...> вместе со многими нашими соотечественниками были нами отвергнуты и наполнили публичные дома и питейные заведения. Несчастные! Чтобы послушать музыку /*хусне савт истимагъ*/, они оказались вынуждены спускать своё имущество в этих запретных /*харам*/ зланных местах, среди порочной публики!

Борьба между *фетвой* и природой всё усиливалась, и в некоторых людях фетва победила. Эти люди нигде не слушали пение и музыкальные инструменты /*хусне савт = кәй илә мустика*/. В других — победила природа. Они не выбрали, чью музыку и где слушать. А некоторые чередовали свои решения. Днём, перед другими, его «кумир» — *фетва*: и сам не будет ни петь, ни играть, и всех будет палкой [от этих занятий] отгонять. Однако вечерами, когда никто не видит, когда от себя никуда не спрячется, станет он и петь, и играть, и других тайком будет слушать. Да и этим не удовольствуется (или не сможет сам ни того, ни другого), и тогда надвинет шапку поглубже и, как стемнеет, сам пойдет в распутные места, чтоб послушать!³⁰ Только дорого ему это обойдётся. Порой потеря состояния оборачивается потерей чести и достоинства.

К пению и музыкальным инструментам */хусне савт вә мустика/* особенно тянется молодёжь. А пожилые — разные по опыту, какими делами только не занимавшиеся, пережившие невесть какие страдания, изболевшиеся душой за то, что дела не идут, — им чем утешаться? От криков «Харам-харам!» или «Спустишь состояние!» и подсчёта прочих убытков очень немного пользы! Да он и сам это знает. <...>

Наверное, чтобы заставить отказаться от того, что запретно, от злчных мест и вечеринок */меджлисов/* с выпивкой, другие утешения для души, другие средства для успокоения сердца искать надо.

Мы видели, что тонкие стихи и прекрасная музыка служили людям на протяжении тысячелетий в этом качестве. Накопленный опыт нужно использовать, но не в злчных местах и не на вечерах, где пьют. Если бы можно было разрешённым образом слушать хорошие стихи и музыку, если бы среди домашних это не считалось грехом и если бы были организованы соответствующие общества, чайханы, разного рода специальные сады для разрешённых */халляль/* занятий, то, без всякого сомнения, девяносто из тех ста, кто идёт в распутные дома, втягиваясь в разные запрещённые и порочные дела, лишаясь способности работать из-за разных болезней, оставляя семьи и сыновей в несчастье и обрекая всех родных на бедность и позор, туда и ногой не ступили бы. А если б и ступили, то не сделали бы это привычкой. Нельзя ручаться, что большинство из тех, для кого это уже стало обыкновением, остановятся. Однако среди тех, кто к сегодняшнему дню туда ещё не заглядывал или не успел сделать это привычкой, без сомнения, девяносто из ста в эти места не ходили бы <...>.

Примечания

- 1 О владении Хасаном-Гата разными музыкальными инструментами и в целом о его равнодушном отношении к музыке пишет его сын — Султан Габаши (1891–1942) — первый татарский композитор и собиратель музыкального фольклора, в чьей личности реализовались многие устремления отца — человека, сформированного культурой исламского Востока и одновременно открытого веяниям Европы [См.: 2. С. 31–33].
- 2 Публикацию последней — самой значительной работы Габаши на эту тему — с переводом и комментариями см. в книге «Антология татарской богословской мысли. Ислам и музыка» [См.: 1. С. 41–87].
- 3 Определение «мусульманский» по отношению к языкам тюрков-мусульман сохранялось во многих документах ещё в первые десятилетия XX века (об этом см., в частности: [8]). В данном тексте эта характеристика указывает также на культурную общность татар и башкир для автора.
- 4 При этом в том же значении музыки автором может быть использовано татарское словосочетание «*уен тавышлары*» [11. Б. 10].
- 5 Как определение и музыки в целом, и вокальной музыки *хусне савт* сравнимо с общим для музыкальных культур мусульманского Востока (использовавшимся и татарами) понятием *гина*, изначально относившимся к пению, но со временем приобретшим значение музыки в целом.
- 6 Деталь, обнаруживаемая в характеристике музыки в очерке Г. Ибрагимова «Борынгы ислам мәдәнияте» [12]. В египетском контексте об этом пишет М. Фришкопф: [См.: 13].
- 7 См. упоминавшуюся выше «Антологию татарской богословской мысли» [1].
- 8 Например, в рассмотрении музыки в неразрывной связи с поэзией (Р. Фахретдин), требовании корректного толкования текстов Корана, используемых оппонентами музыки (Г. Баруди).
- 9 О книге Кильдебаки см.: [5]. Текст, русский перевод и комментарии к книге см.: [1].
- 10 См. Эпилог книги Кильдебаки [1. С. 277–282]. Важнейший для обоих вы-

- вод о причинах негативного отношения к музыке и сформулированный Габаши как: «Присущие людям недостатки были перенесены на саму музыку /*хәснә савт*/», Кильдебакки лишь конкретизирует: «...присущие человеку грехи были перенесены на ни в чем неповинные музыкальные инструменты и пение /прекрасные звуки — *хәснә савт*/» [1. С. 279].
- ¹¹ Особенность, отразившаяся и в рукописи самой объёмной его работы «Взгляды исламских учёных и законовевдов на стихи и пение» [См.: 1. С. 41–87].
- ¹² Книги, долго составлявшие основу традиции «книжного пения» мусульман Волго-Уралья: «Кыйсса-и-Йусуф» Кол Гали (XIII в.), сборник поэтов XIII–XVIII веков «Бакырган китабы», «Мухаммадия» М. Языджоглу Челеби (XV в.), «Ахмадийя» (чаще под именем «Хакка шөкер» /«Благодарность Аллаху»/ — названия, под которыми бытовала популярная среди мусульман анонимная книга «Гыйбрәт вә шөкернамә мин әбъят Әхмадийя» /«Поучение/ Назидание и книга благодарности в стихах „Ахмадийя“»/).
- Абыстай* — жёны мулл, как правило, обучавшие девочек основам грамоты и ислама и нередко определявшие уровень художественных интересов в своём окружении.
- ¹³ Сходные характеристики даются в книге Хади Кильдебакки «Музыка и ислам» (1909) [См.: 1. С. 251].
- ¹⁴ Здесь Габаши следует логике хадиса (хадисы — слова и предания о сказанном пророком Мухаммадом; главный после Корана источник суждений для мусульман), согласно которому Мухаммад критически относился не к стихам как таковым, но к тем, содержание которых достойно осуждения. Комментарии самого Габаши на эту тему со ссылками на других исламских авторов см. в: [1. С. 69–71].
- ¹⁵ Имеются в виду исламские богословы.
- ¹⁶ «Хәснә савт ерлау вә көйләү» (букв. «пение/распев прекрасных звуков») позволяет прочитать *хәснә савт* здесь как «распеваемая»/вокальная музыка.
- ¹⁷ «*Кашф аз-зунун*» (перевод полного названия: «Устранение сомнений в названиях книг и искусств») — известный энциклопедический труд османского учёного Кятиба Челеби (1609–1657) на арабском языке, включающий около 15000 статей, освещающих около 300 видов научного знания.
- ¹⁸ В данном абзаце и далее названы свойства музыки, перечисляемые Х.-Г. Габаши и другими татарскими авторами вослед крупнейшим исламским учёным, начиная с Братьев Чистоты (X в.), Ибн Сина (980–1037), Газали (1056–1111) и других. Наибольший авторитет для российских мусульман в вопросе о дозволенности музыки — часто цитируемый ими труд Газали «Ихйа ‘улум ад-дин» («Возрождение наук о вере»). Почти точное совпадение строк, описывающих свойства музыки у Габаши, находим в тексте книги Х. Кильдебакки [См.: 1. С. 249–250].
- ¹⁹ ‘*Аср ас-са‘ада* — традиционное обозначение периода раннего ислама.
- ²⁰ *Аджамы* — персоязычные мусульмане.
- ²¹ *Ляһу/лахв* — развлечение, забава; одна из важнейших категорий, используемых приверженцами идеи запретности музыки в исламе. О категории *лахв* см.: [7. С. 235 и далее].
- ²² «Сахих» Бухари (ум. 870) — первый из шести сборников хадисов, признанных самыми авторитетными у суннитов.
- ²³ Абу Бакр (572–634) — сподвижник пророка Мухаммада, первый из четырёх «праведных халифов».
- ²⁴ Восклицание, идентичное восклицанию выдающегося современника Габаши, богослова Ризы Фахретдина в его знаменитом труде по хадисам: «Так в чём же разница между звуками соловья и звуками, извлекаемыми из струн скрипки? Первого слушать дозволено, слушать же последнюю — пусть будет запрещено?!» [Цит. по: 1. С. 111].
- ²⁵ Начальный текст аята: «Прославляют Его семь небес, и земля, и те, кто на ней. Нет ничего, что бы не прославляло Его хвалой...» [3. С. 235].
- ²⁶ Авторский перевод Г. Сайфуллиной. В цитате приведён бейт, одна строка которого написана на персидском, а вторая на арабском, что отличает форму *муламма*, часто используемую в персидской поэзии. Согласно исследователям Охтаю Ильгами (Иран) и А. Б. Джумаеву (Узбекистан), оказавшим помощь в переводе этого непростого текста, это — начало газели великого Абдуррахмана Джами (поэта и автора знаменитого трактата по музыке, XV в.), чьё творчество было, безусловно, хорошо знакомо Хасану-Гата Габаши.
- ²⁷ Бухара — важнейший центр исламской культуры, где значительная часть российских мусульман получала религиозное образование.
- ²⁸ Имам Агзам («Великий имам») — имя, которым мусульмане называют Абу Ханифа

(699–767) — основателя одной из четырёх суннитских правоведческих школ — ханафитского *мазхаба*, приверженцами которого традиционно являлись татары и башкиры.

²⁹ *Фетва* — в исламе религиозно-правовое решение/заклучение, выносимое по тому или иному вопросу.

³⁰ Ироничное описание такой же ситуации находим в статье Габаши, посвящённой взглядам Ш. Марджани на музыку [См.: 1. С. 13].

Список литературы

References

1. Антология татарской богословской мысли. Ислам и музыка. Х.-Г. Габаши, Р. Фахретдин, Г. Баруди, Х. Кильдебаки / сост., пер., вступ. ст., комм. Г. Р. Сайфуллиной. Казань: ТКИ, 2015. 382 с.
Antologija tatarskoj bogoslovskoj mysli. Islam i muzyka. H.-G. Ghabashi, R. Fahretdin, G. Barudi, H. Kil'debaki [Anthology of Tatar theological thought. Islam and Music. H.-G. Ghabashi, R. Fakhretdin, G. Baroody, H. Kildebaki] / ed. G. R. Sajfullina. Kazan: TKI, 2015. 382 p.
2. *Габяши С.* Моя краткая биография // Султан Габяши. Материалы и исследования: В 2 ч. Ч. 1. Казань: ТКИ, 1994. С. 31–40.
Ghabashi S. Moja kratkaja biografija [My short biography] // Sultan Ghabashi. Materialy i issledovanija [Sultan Ghabashi. Materials and research]: In 2 vol. Vol. 1. Kazan: TKI, 1994. P. 31–40.
3. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. Москва: ИКПА, 1990. 511 с.
Koran / trans. I. Ju. Krachkovsky. Moscow: IKPA, 1990. 511 p.
4. Сайфуллина Г. Р. «Будь осторожен, слушающая саз...!»: Габаши-богослов о дозволенности музыки в исламе // Музыка. Искусство, наука, практика. 2012. № 1. С. 43–50.
Sajfullina G. R. «Bud' ostorozhen, slushajazaz...!»: Ghabashi-bogoslov o dozvolennosti muzyki v islame ["Be careful when listening to saz...!"]: Ghabashi theologian on the permissibility of music in Islam // *Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika* [Music. Art, research, practice]. 2012. № 1. P. 43–50.
5. Сайфуллина Г. Р. Музыка в ислам // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / ред. С. М. Прозоров. Т. II. Москва: Наука – Восточная литература, 2018. С. 261.
Sajfullina G. R. Muzyka ve islam [Music and islam] // *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii. Enciklopedicheskij slovar'* [Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary] / ed. S. M. Prozorov. Vol. II. Moskva: Nauka – Vostochnaja literatura, 2018. P. 261.
6. Сайфуллина Г. Р. От концепта *ḥusn al-ṣawt* («прекраснозвучие») в исламской богословской мысли к концепции музыки // Мысль о музыке в авраамических традициях. Концепция звука & звучания с древнейших времен к XXI веку. Москва: ГИИ, 2019. С. 220–233.
Sajfullina G. R. Ot koncepta ḥusn al-ṣawt («prekrasnozvuchie») v islamskoj bogoslovskoj mysli k koncepcii muzyki [From the concept of ḥusn al-ṣawt (“beautiful sound”) in Islamic theological thought to the concept of music] // *Mysl' o muzyke v avraamicheskix tradicijax. Koncepcija zvuka & zvuchanija s drevnejshix vremen k XXI veku*. Moskva: GII, 2019. P. 220–233.
7. Сайфуллина Г. Р. Слово Корана в спорах о дозволенности музыки в Исламе // Концептуализация музыки в авраамических традициях / отв. ред. Г. Б. Шамилли. Москва: ГИИ, 2018. С. 228–241.
Sajfullina G. R. Slovo Korana v sporah o dozvolennosti muzyki v Islame [The word of the Koran in disputes about the permissibility of music in Islam] // *Kontseptualizatsiya muzyki v avraamicheskix traditsiyakh* [Conceptualization of music in the Abrahamic traditions] / ed. G. B. Shamilli. Moskva: GII, 2018. P. 228–241.
8. Хайруллина З. Ш., Гиршман Я. М. Из музыкального прошлого. Обзор татарской периодической печати 1905–1907 годов // Вопросы татарской музыки / ред.

- Я. М. Гиршман. Казань: Казан. гос. консерватория, 1967. С. 192–247.
- Khairullina Z. Sh., Girshman Ya. M. Iz muzykalnogo proshlogo. Obzor tatarskoj periodicheskoj pečati 1905–1907 godov* [From the musical past. Review of the Tatar periodical press of 1905–1907] // *Voprosy tatarskoj muzyki* [Issues of Tatar music] / ed. Ya. M. Girshman. Kazan: Kazan. gos. konservatoriya, 1967. P. 192–247.
9. *Габәши Х.-Г. Музыка вә шигыйрь файдалары, алар хакында ислам галимнәренәң һәм Мәржәнинәң фикере* // *Мәржәни*. 2-е изд. Казан: Жыен нәшрияты, 2010. Б. 527–529.
- Ghabashi S. Muzyka vә shigyjr fajdalary, alar hakynnda islam galimnәrenәң һәм Мәржәнинәң fikere* [The benefits of music and poetry, the opinion of Islamic scholars and Marjani] // *Marjani* [Mardzhani]. 2nd ed. Kazan: Djien publishing house, 2010. P. 527–529.
10. *Габәши Х.-Г. Музыка хакында голяма вә фикһы исламының фикерләре. Кульязма*. ОРРК НБ КГУ (Отдел редких рукописей Библиотеки им. Лобачевского Казанского университета). Фонд Х-Г. Габәши. 1154 т. 4664. 13 б.
- Ghabashi S. Muzyka khakynnda golyama vә fikhy islamynyn fikerlare. Kul'yazma*. [Opinions on music by Muslim scholars and jurists. Manuscript]. ORRK NB KSU (Department of Rare Manuscripts of the Lobachevsky Library of the Kazan University). H.-G. Ghabashi Foundation. 1154 v. 4664. 13 p.
11. *Габәши Х.-Г. Янә «Өмид» пароходы. Кульязма* // ОРРК НБ КГУ (Отдел редких рукописей Библиотеки им. Лобачевского Казанского университета). Фонд Х-Г. Габәши. 1153. 16 б.
- Ghabashi S. Yanya “Өmid” parohody* [Again the ship “Nadezhda”]. Manuscript // ORRK NB KGU (Department of Rare Manuscripts Library named after Lobachevsky of the Kazan University). Foundation H-G. Ghabashi. 1153. 16 p.
12. *Ибраһимов Г. Г. Музыка* // *Ибраһимов Г. Г. Борыңгы ислам мәдәнияте*. Уфа – Оренбург. 1909. Б. 95–97.
- Ibrahimov G. G. Music* // *Ibrahimov G. G. Boryngy islam мәдәnijate* [Ancient Islamic culture]. Ufa – Orenburg, 1909. P. 95–97.
13. *Frishkopf M. Islamic Hymnody in Egypt: Al-Inshād al-Dīnī* // *Garland Encyclopedia of World Music*. V. 6: The Middle East / ed. V. Danielson, S. Marcus and D. Reynolds. Routledge. 2001. P. 165–176.